

Митрополит Макарий

**История Русской Церкви.
Том 1. История христианства
в России до
равноапостольного князя
Владимира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М67

Митрополит Макарий
М67 История Русской Церкви. Том 1. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира / Митрополит Макарий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 122 с.

ISBN 978-5-458-03405-0

В первую книгу многотомного издания «История Русской Церкви» высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского, вошло его сочинение по истории христианства на территории России в древнейший период: от проповеди апостола Андрея Первозванного до крещения святого равноапостольного князя Владимира.

ISBN 978-5-458-03405-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Митрополит Макарий, 2021

Макарий, Митрополит
Московский и Коломенский
История русской Церкви
Т. 1 История христианства в
России до равноапостольного
князя Владимира как введение
в историю русской Церкви

Помыслих дни первыя... и поучахся.

Пс. 76,6

*Помянух судьбы твоя от века, Гос-
поди, и утешихся.*

Пс.118, 52

Предисловие

Историю православной Церкви в нашем отечестве обыкновенно начинают с обращения к христианству великого князя Владимира, и начинают весьма справедливо. Церковь Русская действительно появилась не прежде, как со времен равноапостольного просветителя России: с этих только пор у нас начался ряд первосвященников, без которых, в строгом смысле, нет и не может быть Церкви, ряд, непрерывно продолжающийся донныне; с этих только пор Церковь наша получила надлежащее внутреннее и внешнее благоустройство; с этих только пор она соделалась известною и во всеобщей истории как особая, определенная отрасль Церкви вселенской. Но столько же справедливо и то, что христианство существовало в России еще прежде великого князя Владимира, с самого основания Русского царства, хотя мы и не можем сказать, чтобы была уже тогда у нас постоянная высшая иерархия, а следовательно, была в строгом смысле и Русская Церковь. Не менее справедливо, что христианство существовало в пределах нынешней России даже до основания Русского царства, со времен самих святых апостолов, хотя и тогда не было у нас какой-либо одной определенной Церкви, а было несколько частных Церквей, или епархий, большею частию не имевших между собою никакой иерархической связи. Как же смотреть нам на все эти следы христианства в нашем отечестве до происхождения отечественной Церкви при равноапостольном просветителе России? Говорить о них в самом составе своей истории Русской Церкви, без сомнения, не может, потому что история эта должна говорить только о Русской Церкви и начинаться с ее началом. Но и оставить без внимания означенные следы христианства также не может, потому что они имеют ближайшее отношение к Русской Церкви. Отношение к ней тех начатков христианства, какие появились в нашем отечестве со времени основания его до равноапостольного Владимира, очевидно: это было христианство в царстве Русском, в народе русском и имело непосредственное влияние на обращение к святой вере великого князя Владимира со многими из его подданных, т. е. на происхождение самой Церкви Русской. Отношение к ней тех следов христианства, какие существовали в странах нашего отечества еще до основания его, менее очевидно, но также неоспоримо. Здесь важно уже то, что святая вера существовала в странах наших между народами, которых потомки составляют ныне вместе с нами одно политическое тело; еще более то, что в числе христиан, обитавших тогда в России, по всей вероятности, как увидим, находились и наши предки славяне; а особенно важно достоверное известие, что некоторые из тогдашних Церквей, бывших в пределах наших, или имели влияние на происхождение настоящей Церкви Русской, или даже вошли со временем в состав ее. Обвинит ли кто-либо нашу гражданскую историю за то, что она, имея предметом своим собственно судьбу Русского царства, не забывает, однако же, сказать и о народах, издревле обитавших в России, потому только, что они обитали в России; сказать потом о славянах вообще, как предках славян русских, в частности о славянах русских и некоторых неславянских народах, живших в России пред началом Русской державы; сказать, наконец, о варяго-руссах, которые вместе с этими славянскими и неславянскими племенами образовали Русское государство? Без сомнения, никто не обвинит; напротив, скорее обвинили бы, если бы

гражданская история наша не упомянула в должной мере о всех этих предметах, столько близких к ее существенному предмету. Так точно неправа была бы и наша церковная история, если бы опустила без надлежащего обозрения те следы христианства, которые издревле существовали в нынешних областях России, христианства, которого держались тогда, между прочим, и наши предки славяне и которое имело потом влияние на происхождение самой Церкви Русской. Но где же должна сказать о них, этих следах святой веры, наша церковная история, когда в самом составе своем сказать не может? Остается одно место: она может, она должна сказать о них предварительно, во введении. Это тем естественнее, что христианство, бывшее в России до великого князя Владимира, действительно и предварило Русскую Церковь, а вместе, несомненно, послужило приготовлением и как бы введением к окончательному основанию ее в народе русском. Следовательно, если всякая наука обязана быть только списком, копием со своего предмета и тем бывает совершеннее, чем вернее остается своему оригиналу, то история нашей отечественной Церкви поступит в настоящем случае как нельзя более справедливо и поступить иначе не имеет даже права. Вот именно та точка, с которой смотрела на свой предмет, составляя издаваемое теперь сочинение — «Историю христианства в России до равноапостольного князя Владимира». Я видел, я хотел представить в этой истории не больше как «введение в историю Русской Церкви», введение не как в науку, а только как в историю. Такой взгляд на главный предмет сочинения необходимо уже распространился и на все частнейшие его предметы. И всяк может судить, в какой обширности я мог рассуждать о каждом из них порознь. Моим правилом было говорить о них только в той мере, в какой имели они или имеют отношение к нашей отечественной Церкви. А потому об одних достаточно было лишь упомянуть как бы мимоходом, о других надлежало сказать более, о третьих еще более. Кратка моя речь о Церквях Армянской и Грузинской до происхождения нашего отечества, хотя о каждой из них можно бы написать особую немалую историю; кратка потому, что отношение этих Церквей к Церкви Русской очень невелико: первая тем только и относится, что находится ныне с нею в пределах одного царства, последняя еще тем, что недавно к ней присоединилась. Обширнее, сравнительно, обзираю я следы христианства в краях Новороссийском и Кавказском, в которых, по всем соображениям, могли исповедовать тогда святую веру и наши предки славяне, откуда притом проникала она и во внутреннейшие области России. Наконец, со всею уже обстоятельностью, какую позволяли мне существо предмета и источники, старался я изобразить начатки святой веры собственно в царстве Русском — здесь отношение к нашей Церкви самое близкое, всестороннее и очевидное. Смотри таким образом на следы христианства, существовавшие в России до великого князя Владимира, или точнее, как гласит заглавие этой книги, до равноапостольного князя Владимира, т. е. до того времени его княжения, когда он, принявши святую веру сам, соделался насадителем ее в своем народе и положил начало собственно Церкви Русской, я не мог не заметить, что они разделяются, вообще, на два главные отдела достопамятного эпоху основания Русского царства: одни существовали только в пределах России, другие в самом царстве Русском; одни имели гораздо менее отношения к нашей отечественной Церкви, другие несравненно более. На этом основании разделил я и сочинение свое на две части: 1) на историю христианства в пределах нынешней России до основания Русского царства (ок. 60–862)

и 2) на историю христианства собственно в царстве Русском до происхождения Русской Церкви при равноапостольном князе Владимире (862–992). Первую часть можно назвать только преддверием, последнюю – самым входом во святылище русской церковной истории.

С.-Петербург. 1845 года.

Часть первая

История христианства в пределах нынешней России до основания русского царства (ок. 60–862)

Всем время и время всякой вещи под небесем.

Еккл. 3,1

Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия.

Лаврентиевская летопись. С. 4

Введение

Если от настоящего порядка вещей в пределах нашего отечества мы перенесемся мыслию в те отдаленные времена, когда не было еще в этих пределах самого царства Русского, и сравним прошедшее с настоящим, нас, без сомнения, поразит тогдашний беспорядок. Народы и племена, обитавшие на пространстве нынешней России, кроме того что находились на самой низкой степени общественного развития, разделены были между собою постоянною ненавистью. Взаимные раздоры, набеги и опустошения составляли главнейшее их занятие. Сильные теснили слабых, владычествовали над ними и в свою очередь делались рабами сильнейших. В то же время орды диких пришельцев, как потоки огненной лавы, с шумом стремились в наши пределы и, протекая их из края в край, разрушали все, что ни попадалось, пока наконец не обессиливали себя взаимно. Царства готов, гуннов, аваров и хазаров, быстро возникавшие одно за другим на пространствах России, подобно грозным метеорам, от которых не раз приходил в трепет сам Римский колосс, так же быстро и распадались, не оставляя после себя почти ничего, кроме грозных обломков. Картина мрачная и самая безотрадная! Но всмотримся ближе в эту картину – и мы увидим в ней немало светлых точек, увидим, что и в этом политическом хаосе скрывались уже семена той прекрасной жизни, которая с такою полнотою цветет ныне на нашей отечественной почве. Перечисляя народы, издревле обитавшие в России, древние историки упоминают там и сям о племенах оседлых, которые любили заниматься земледелием и скотоводством; упоминают и о таких племенах, которые имели уже свои города и производили торговлю; нередко хвалят семейственные и даже гражданские добродетели этих племен: святость их брачных союзов, уважение к голосу старцев в делах общественных, взаимное доверие, добродушие, гостеприимство, древнюю простоту нравов и проч. Все это разве не основные стихии быта общественного и благоустройства? Оставалось только отделить их от стихий вредных и враждебных, соединить между собою, упорядочить, образовать – и самое прочное политическое здание готово было возникнуть.

Такое же точно зрелище представляют нам отечественные страны и в отношении религиозном, если сравним настоящее их состояние с тогдашним. Ныне у нас, можем не обинуясь сказать, совершенный день истинного боговедения – тогда была совершенная ночь; ныне свет Христов ярко сияет на всем протяжении неизмеримой России – тогда она покрыта была густым мраком идолопоклонства. Но сохранились свидетельства, что и во мраке том мерцали уже звезды, которые

указывали путникам прямой путь к горней отчизне, что такие звезды время от времени более и более умножались в числе, пока не наступила наконец заря – предвестница радостнейшего утра. Свидетельства эти говорят нам: 1) что еще святой апостол Андрей Первозванный протек с евангельскою проповедию некоторые страны наши; указывают потом несомненные следы христианства 2) в древней Скифии, или нынешнем Новороссийском крае, 3) в древней Сарматии, или нынешнем Кавказском крае, и еще более 4) в древних Иверии и Армении, или нынешнем Закавказье.

Мало, без сомнения, и почти незаметно было все это в тот великий период Церкви, когда в других странах мира, и особенно в пределах римских, сияла уже она полным светом, когда совершались в ней величайшие события, имевшие влияние на всю ее судьбу, процветали сонмы великих пастырей и учителей, изумляли мир своею святостию лики великих подвижников, составлялись Вселенские Соборы, утвердившие святую веру на все последующие века. Малы были, повторяем, и почти незаметны в то время немногие следы христианства, которые появлялись в пределах наших. Но будем помнить, что всему есть свое время и чреда, что, по премудрым планам Промысла, самого царства Русского еще не было тогда на земле. Другие царства выполняли свое предназначение в человеческом роде, а для России вместе с ее Церковию готовился жребий впереди.

Глава I. Проповедь святого апостола Андрея в странах наших.

Древнее сказание о проповеди у нас святого апостола Андрея достойно всего нашего внимания. Это весть о *первой* у нас проповеди – и проповеди *апостольской*! И этой вести во все времена верили предки наши. Ее высказывали они при случае всякому вопрошающему, ее повторяли все наши летописцы от первого до последнего. На одной из высот киевских, там, где, по преданию, Первозванный ученик Христов водрузил святой крест в знамение будущего просвещения России Евангелием, еще с начала XIII в. сооружена церковь во имя Воздвижения Честнаго Креста как живое свидетельство верования в это священное предание; в XVI в. она возобновлена в лучшем виде, а с 1744 г. до настоящих дней там красуется великолепнейший храм, посвященный имени самого Первозванного из апостолов, которому первому суждено было позвать в Царство благодати Христовой землю Русскую. Для обстоятельнейшего рассмотрения столь важного предания, которое в новейшие времена некоторые начали подвергать сомнению, нам кажется, необходимо разрешить следующие вопросы: I) точно ли и где именно путешествовал святой апостол Андрей в странах наших, II) каким народам он здесь проповедовал, и III) какие были следствия его у нас проповеди.

I. Точно ли и где именно путешествовал святой апостол Андрей в странах наших.

Самые древние свидетельства о проповеди святого апостола Андрея относятся к началу третьего века. Одно принадлежит святому Ипполиту, епископу Портуенскому (ок. 222 г.), который в небольшом сочинении своем о дванадцати апостолах говорит о святом апостоле Андрее следующее: «Андрей, после того

как проповедовал *скифам* и *фракийцам*, потерпел крестную смерть в Патрасе Ахейском, будучи распят на древе масличном, где и погребен». Другое читаем у знаменитого Оригена (200–258): «Апостолы и ученики Господа и Спасителя нашего, рассеявшись по вселенной, проповедовали Евангелие, и именно: Фома, как сохранилось до нас предание, получил в удел Парфию, Андрей – Скифию, Иоанну досталась Азия и проч.». Оба эти свидетельства имеют для нашей цели большую важность как свидетельства мужей, отличавшихся образованием и весьма близких ко времени упоминаемого ими события. Ориген учился у Климента Александрийского, который сам был учеником Пантена, и обращался с другими мужами апостольскими. Ипполит называет себя учеником святого Ириней, который пользовался долгое время особенно близостию у святого Поликарпа и любил расспрашивать непосредственных учеников апостольских обо всем, касающемся их божественных учителей. Следовательно, Ориген и Ипполит могли узнать о месте проповеди святого апостола Андрея из вторых уст! В частности, важно свидетельство Оригена потому, что оно действительно и указывает на этот древнейший и несомненный источник, из которого заимствовано: как *дошло до нас предание* (ὡς ἡ παράδοσις πέριενε), а свидетельство Ипполита потому, что ясно определяет, в какой именно Скифии проповедовал святой апостол Андрей: он проповедовал, говорит святой отец, *скифам* и *фракийцам*, распят в Патрасе; следовательно, тем скифам, которые обитали в соседстве с фракийцами, и в той Скифии, которая, начинаясь от гор Балканских, шла к устьям Дуная и простиралась за Дунаем в пределах нашего отечества, а отнюдь не каким-либо скифам азиатским, жившим за Каспийским морем и в Сибири, и не скифам гиперборейским, наполнявшим северо-восточные страны Европы.

В четвертом веке мы встречаем сказания о святом апостоле Андрее более подробные. Святой Дорофей (307–322), епископ Тирский, пишет о нем: «Андрей, брат апостола Петра, протек всю Вифинию, всю Фракию и скифов (или, как в другом списке, всю приморскую страну Вифинии, Понта, и Фракии, и скифов), проповедуя Евангелие Господа; потом достиг великого города Севаста (или Севастополя), где находится крепость Аспар и река Фазис (ныне Рион), у которой обитают внутренние эфиопы; погребен в Патрасе Ахейском, будучи распят Егеатом». Очевидно, что по смыслу этого сказания святой Андрей, начавши с южного черноморского помория в Вифинии и Понте, прошел с проповедию все поморие западное чрез Фракию, поморие северное чрез страну скифов, простиравшуюся от Дуная до Азовского моря, и явился на помории восточном – в нынешней Абхазии, где находился город Севаста, – переправившись ли туда на корабле с берегов Крымских (чего, впрочем, не видно из слов) или совершивши сухой путь вокруг Азовского моря чрез древнюю Сарматию, т. е. прошел, между прочим, нынешний наш Новороссийский край, вероятно, Кавказский, и достиг Закавказья. Большую важность в глазах наших получит это сказание, когда мы возьмем во внимание, что оно, как и все небольшое сочинение Дорофеево об апостолах, по уверению лиц, читавших его в подлиннике, собрано святым отцом из прежних и, следовательно, еще древнейших греческих и еврейских документов, а потому восходит, может быть, подобно свидетельствам Ипполитову и Оригенову, до века апостольского. Для тех же, кто сомневается в подлинности сказания Дорофеева, заметим, что в последней половине того же четвертого века это сказание повторили знаменитый учитель Церкви Кипрский епископ Епифа-

ний (†403 г.), и с большею только определенностью касательно проповеди святого апостола Андрея в древней Сарматии, один из друзей блаженного Иеронима – Софроний (†390 г.), переведший и немного пополнивший от себя его каталог церковных писателей. «Андрей, – сказано в этих дополнениях, – брат апостола Петра, как *передали нам предки*, проповедовал Евангелие Господа нашего Иисуса Христа скифам, согдианам и сакам, проповедовал также в великом Севастополе, где находится крепость Аспар и река Фазис, у которой обитают внутренние эфиопы; погребен в Патрасе Ахейском, будучи распят Егеатом, префектом эдесским». Опять указывается на древний источник – предание отцов – и уже довольно ясно выражается, что святой благовестник на пути из древней Скифии в Закавказье посетил и Сарматию – едва ли не до самого Каспийского моря; потому что, хотя, по словам древних писателей, персы вообще всех скифов называли саками, но, по преимуществу, скифов азиатских, обитавших по северо-восточным берегам Каспийского моря, а согдиане были их соседями и в первые два века по Рождестве Христово распростерли власть свою на алан, живших, по известиям тогдашних историков европейских, между Волгою, Доном и Кавказом, когда, по всей вероятности, согдиане и основали в Крыму по имени своему город Сагдью, или Сугдью (нынешний Судак), о времени происхождения которого ничего определенного не известно.

После свидетельств двух других, следующих по времени писателей, именно Евхерия, архиепископа Лионского (449), который, упоминая о благовестии святого апостола Андрея у скифов, основывается уже на *истории*, и Исидора Испалийского (570–636), утверждающего, что апостол Андрей получил в удел Скифию и вместе Ахайю, чем ясно намекается, какую здесь должно разуместь Скифию, весьма замечательно свидетельство Никиты Пафлагона (†873). В похвальном слове сему апостолу он говорит: «Ты, достойный всего моего почтения Андрей, получивши в удел север, с ревностию обошел иверов, савроматов, тавров и скифов и протек все области и города, прилежащие с севера и юга Поту Евксинскому...». Особенного здесь, во-первых, то, что народы, которым проповедовал святой Андрей в странах наших, исчисляются в другом порядке, нежели у Дорофея и Софрония, и путь апостола ведется из Грузии чрез Кавказский и Новороссийский край в Грецию. Впрочем, это неважно: писатели, существенно не изменяя исторической истине, могли перечислять страны, где проходил святой благовестник, и в ином порядке, нежели как было на деле. Важно то, что и в этом свидетельстве указываются для проповеди Андреевой те же самые места нашего отчества, какие и в свидетельствах прежних, только здесь гораздо яснее и точнее. Никита Пафлагон прямо говорит, что Андрей проповедовал у иверов, чего у прежних писателей не находим, и слова его подтверждаются древним сказанием летописей иверских, восходящих до времен самой просветительницы Иверии Нины (ок. 318 г.), а с другой стороны, тем, что доньне еще в горах Абхазии указывают с благоговением могилу Симона Кананита, бывшего спутником апостолу Андрею. Затем Пафлагон упоминает выше к северу савроматов, которые обитали в первом веке именно в краю Кавказском между Волгою, Доном и Кавказскими горами, откуда только что выступали они около этого времени в Скифию европейскую. Далее полагает, по естественному направлению пути Андреева в Грецию, тавров – обитателей Крыма, после них – скифов, которых, понимая в теснейшем смысле, действительно и помещали в первом веке в так

называемой Малой Скифии – от Херсонеса до Борисфена, а другие до самого Дуная. Точность географическая самая совершенная!

Приведем, наконец, свидетельство еще одного писателя девятого века, иерусалимского иеромонаха Епифания. Движимый благочестивою ревностью, он намеренно обошел те места, которые, по сказанию святого Епифания Кипрского, оглашены были проповедью святого апостола Андрея, везде старался собрать о нем самые достоверные сведения и на основании местных преданий первый начертил житие его, довольно подробное. Из этого жития оказывается, что собственно в пределах нынешней России Первозванный апостол посетил, с своими учениками и сотрудниками, землю Иверскую, Сванетию и Осетию, где находился город Фостофор; оттуда спустился в Абхазию и проповедовал в городе Севасте; простираясь далее вдоль помория, перешел землю джигетов, страну Верхний Сундаг и достиг приморского города Боспора, столицы Боспорского царства, у Киммерийского пролива; из Боспора, следуя вдоль южного помория Тавриды, прибыл в Феодосию, город обширный и многолюдный, управлявшийся тогда князем Савремагом, а из Феодосии перешел в город Херсонес, где и оставался долгое время. Таким образом, Епифаний во время своего путешествия как бы проверил местными преданиями известные нам сказания писателей четвертого века о проповеди святого апостола Андрея в южных странах нашего отечества.

Простирался ли святой апостол Андрей с своею проповедью из Херсонеса Таврического во внутренние области нынешней России, Епифаний не говорит. Но наш отечественный летописец, писавший в конце XI в., поместил в своей летописи рассказ, что Первозванный апостол из Херсонеса доходил рекою Днепром до гор киевских, благословил их, водрузил на них святой крест и предсказал ученикам своим, что «на сих горах воссияет благодать Божия, имать град велик быти и церкви многи Бог воздвигнута имать»; а потом, продолжая свой путь, достигал до самого Новгорода и до варягов. В начале рассказа летописец выразился: «Якоже реша» – и тем прямо указал на его источник – предание. Это предание могло быть письменное, и преподобный Нестор мог воспользоваться им в числе других письменных памятников древности, на которые подобным же образом иногда ссылался. А что о святом апостоле Андрее существовали в письмени сказания, очень близкие к тому, какое передал нам летописец, за это отчасти ручается находящаяся в одной из оксфордских библиотек древняя греческая рукопись, из которой издан небольшой только отрывок о путешествии святого апостола Андрея в стране антропофагов, или людоедов, полагаемый древними географами во глубине России. Но гораздо вероятнее на основании выражения Несторова *якоже реша* можно полагать, что преподобный летописец воспользовался преданием устным, которое могло сохраниться в странах наших с самого начала христианской эры, хотя ими почти непрерывно владели языческие народы – готы (в III в.), гунны (в IV и V), хазары (в VII и VIII) и другие. Ибо, как скоро увидим, в некоторых южных областях России, едва ли не со времен самого апостола Андрея, постоянно поддерживалось христианство до полного водворения его в нашем отечестве, и самые эти языческие народы мало-помалу принимали у нас святую веру в III, IV и последующих веках. При таких обстоятельствах сказание о первой и притом апостольской у нас проповеди, как о событии важнейшем для местных христиан, естественно должно было переходить